

Национализация элиты как общественная потребность

© В.В. Легчилин

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Цель исследования — выявление реального политологического содержания понятия «национализация элиты». Это понятие уже довольно широко используется в политической аналитике, однако исследования, раскрывающие сущностные характеристики процесса обретения политической элитой статуса национальной, практически отсутствуют. Впервые рассмотрена взаимосвязь целеполагания и национализации элиты и обоснована необходимость отказа от заимствования целей и индикаторов общественного развития, выработанных в рамках западной культуры. Возврат к самостоятельному историческому творчеству с опорой на отечественную культурную традицию рассмотрен как суть национализации элиты.

Ключевые слова: политическая элита, система ценностей, целеполагание, национализация политической элиты, цели и индикаторы общественного развития.

Открыв в практически любом учебнике политологии параграф, посвященный политической системе общества, мы узнаем, что одной из важнейших ее функций является определение общих для всего общества целей и задач развития, т. е. политическая система создается в обществе для определения подобных целей и мобилизации общественных ресурсов для их достижения.

Последние два десятилетия характеризуются тем, что эту функцию политическая система России выполняла из рук вон плохо. Цели носили крайне неопределенный характер, чтобы не сказать, что они отсутствовали как таковые. Страна строила «рыночную экономику», «демократическую политическую систему» и «возвращалась в цивилизованный мир», преодолевая наследие «тоталитарного советского прошлого». В качестве цели движения общества политический класс в лучшем случае предлагал копирование прекрасного в своем совершенстве европейского образца и разностороннюю интеграцию с Европой. Но гораздо чаще политические функционеры стыдливо замалчивали реальные цели социальных преобразований, прикрывая их рассуждениями о мировом опыте и необходимости модернизации всего и вся в целях повышения его эффективности. Какое общество должно сформироваться в результате бурной реформаторской деятельности, предлагалось смотреть в Западной Европе, и куда оно будет эволюционировать, спрашивать там же. Наиболее радикальные сторонники выбранной линии предлагали «не изобретать велосипед»

и от мессианских, имперских и прочих амбиций отказаться. Таким образом, России как государству и русским как народу предлагалось перестать быть субъектом исторического процесса и превратиться в его объект наряду со многими другими странами и народами.

При этом постоянно подчеркивалось, что если встроиться в процесс грамотно и умело, то преимущества, полученные в результате, перевесят все возможные потери.

Цели развития или, точнее, направление движения общества определяет конкретный социальный субъект, который в политической науке принято называть политической элитой или политическим классом. Однако само движение осуществляется более крупными общественными субъектами, которые представляют собой некое единство элиты и массы. В современных условиях подобное объединение достигается через понятие «нация». Отсюда и понятие «национальные интересы», которые определяются и формулируются элитой, и вне зависимости от их реального содержания представляются ею как общенациональные.

Реальное единство основной массы населения страны и ее элиты возникает, как правило, в случае внешней угрозы. Агрессия, осуществляемая внешними по отношению к данной политической системе силами, вынуждает элиту бороться за сохранение своего привилегированного положения и добиваться мобилизации масс на борьбу за сохранение национально-государственного суверенитета. Внешние «вызовы» наиболее существенно способствуют единению элитарных групп и основной массы граждан.

Если учесть протекающий в современном мире процесс глобализации, в который элита включена более глубоко, чем большинство населения, и в котором в ряде случаев она заинтересована, то проблематизируется, на наш взгляд, сама возможность существования национальной элиты. Эта социальная группа в условиях современных реалий всегда включает количественно значимую и очень влиятельную часть, связанную с наднациональными экономическими институтами. О подобных структурах и их роли в мире пишут довольно много [4, 6]. Можно оспаривать оценки влияния «корпоратократии» на ход событий, можно дискутировать о ее структуре, но уже невозможно отрицать сам факт наличия каналов и агентов влияния наднациональных центров власти в национальных элитах.

В последнее время, и особенно в связи с событиями на Украине, много говорится о «национализации» отечественной элиты как актуальной политической задаче. Признаки подобного процесса усматривают в борьбе с оффшорами, в запрете государственным служащим иметь счета за рубежом и еще в целом ряде конкретных политических и экономических мер, призванных ограничить возможности Запада воздействовать на представителей отечественной властной эли-

ты. Но зададимся вопросом: а возможна ли в современном мире подлинная национализация элиты? И если да, то что она означает содержательно?

Исторически политическая элита вспоминает о своем единстве с народом, с массами только тогда, когда вступает в конфликт и находится в противостоянии с конкурирующей элитной группой. В подобной ситуации она нуждается в консолидации всех социальных групп и мобилизации всех доступных ресурсов для достижения своих целей в рамках подобного конфликта. Вспомним, что, по Карлу Шмитту, политика тесно связана с системой координат «свой — чужой», «друг — враг». Так вот, «свой» для элиты в условиях мира всегда находятся в элитарных кругах самых разных стран. Самый простой и наглядный пример состоит в кровно-родственных связях правящих домов Европы. Николай II, английский король и германский кайзер были кузенами, несмотря даже на религиозные различия стран, которые они возглавляли. Элиты связывают множество нитей, начиная от общих экономических интересов и заканчивая общностью образа жизни и семейных связей.

Капитализм как мировая система чрезвычайно усилил этот фактор через глобализацию экономики и развитие коммуникаций. Расовые, религиозные, этнические различия нивелируются, стираются, отходят на второй план. Но остаются факторы конкурентной борьбы, которые постоянно взрывают идиллию единства и единения. И приходится вспоминать о защите национальных интересов и мобилизации народов как ресурсе борьбы за место под солнцем.

Конкурентная борьба разворачивается по поводу контроля над ресурсами (территория, население, природные ископаемые и т. п.) и определения направления дальнейшего движения, задания его целей. Если с борьбой за ресурсы все более или менее ясно в смысле постоянного анализа интересов борющихся субъектов и способов взаимодействия, то со вторым все обстоит значительно сложнее и интереснее. Здесь мы переходим в сферу надличностных ценностей и интуитивно-бессознательных влечений, которые весьма трудно поддаются объективному научному анализу.

Исторически выбор религии всегда был для элиты достаточно инструментальной проблемой. Если стоять на чисто рационалистических позициях, можно легко обосновать победу конфуцианства в Древнем Китае интересами правящего класса; выбор православия Владимиром Крестителем — экономическими и политическими интересами господствующего слоя Киевской Руси, реформацию — борьбой европейских монархов за автономию от Римской курии и т. д. Марксизм легко и убедительно объяснял религиозный выбор правящего класса его социально-экономическими интересами.

Даже если подобные объяснения верны и их аргументация безукоризненна, следует помнить, что духовные феномены активны и способны оказывать воздействие на все явления социальной жизни. Марксистская диалектика требует признать, что принятая и укоренившаяся в сознании миллионов людей вера становится самостоятельным фактором движения общества.

Иными словами, с одной стороны, исторически элиты относительно свободно меняли религиозную веру и договаривались о взаимной веротерпимости, одновременно увековечивая религиозную нетерпимость для масс.

Как справедливо отмечает Г. Кеймен по поводу знаменитых Аугсбургских договоренностей: «Главная черта Аугсбургского мира — он был соглашением между германскими самодержавными монархами. Веротерпимость не распространялась ни на кого, кроме князей, которым была предоставлена свобода искоренять значительную часть своих подданных, отказывавшихся признать религию, предписанную им государством. Только католицизм и лютеранство признавались соглашением — все остальные вероисповедания исключались из сферы его действия» [2].

С другой стороны, религиозно-духовный выбор, предопределяя на последующее длительное время характер образования и воспитания новых поколений элиты, глубоко влиял на особенности системы ее ценностных ориентаций и менталитета. Навязывая религию населению, властный субъект невольно навязывал ее и себе. Он оказывался в рамках определенных этических и культурных норм, которыми часто пренебрегал, умел обходить и даже игнорировать, но от которых не мог, а в лице своих лучших представителей — и не хотел полностью освободиться.

В полной мере это относится и к рациональному XX веку с его идеологическими системами, заменившими собой религии в качестве ценностно-ориентационного сознания. Даже пример советской элиты, которая, казалось бы, полностью отбросила свою прежнюю идеологию и попыталась капитулировать перед западным либерализмом, окончательно и бесповоротно свидетельствует о невозможности игнорировать известные ограничения и установки, сформированные идеологией на протяжении 70 советских лет. Тем более это касается православия, установки и ограничения которого не смогла игнорировать атеистическая советская элита, приспособившая марксизм к русскому национальному сознанию.

Отдельно необходимо оговорить проблему нации как «надконфессиональной» общности, которая призвана стать субъектом государственного строительства. В своей классической форме концепция государства-нации постулирует формирование социального субъекта — нации, который выдвигает политическое требование

создания государства, а затем и осуществляет его построение в политической практике. Но эта логика не подтверждается исторической практикой. Исторически политическая элита, взявшая курс на формирование «нации-государства», формировала национальные общности, опираясь на всю мощь государственной власти и широкое применение силы, чтобы «убедить» население в том, что оно представляет собой некую национальную общность. Государственная власть создавала нации, а не наоборот. В этом смысле нельзя не согласиться с Э. Геллнером: «Нации как естественные, Богом установленные способы классификации людей, как некая исконная... политическая судьба — это миф» [1]. Нация — это категория, которую создает национализм: «Именно национализм порождает нации, а не наоборот» [1].

Исторически именно власть навязывает и религиозную, и национальную общность населению. Естественно, политический субъект не может творить полный произвол и опирается на имеющиеся объективные предпосылки и условия. Но ключевым является вопрос о субъекте исторического и социального творчества.

Народ как некое историческое, культурное и языковое единство элиты и массы и как субъект исторического и социального творчества возникает и может длить свое существование, только противопоставляя себя другим подобным субъектам. Признаки, по которым осуществляется подобное противопоставление, формулирует и задает политическая, экономическая и духовная элита. Она же во многом определяет нормы и правила, по которым выстраиваются отношения привилегированных слоев и основной массы населения.

Однако реальной силой те или иные верования, идеи и цели становятся только тогда, когда они овладевают именно массами. Знаменитая мысль В.И. Ленина о том, что идея, овладевшая массами, превращается в реальную общественную силу, верна и в том смысле, что сами народные массы, воспринявшие идею, обретают мощь и реально обретают статус субъекта исторического развития. Смены элит и формирование новых элитных групп в переломные моменты истории становятся результатом воли именно народных масс.

Чем в этом контексте можно объяснить отсутствие социальной энергии, необходимой для развития страны в постсоветской России? Два с половиной десятилетия страна топчется на месте, проедаая советское наследие и воспроизводя сырьевой характер экономической модели. Диагноз определен довольно давно и стал «общим местом» в отечественной науке и публицистике. Элита не смогла или не захотела предложить обществу идеи, цели и верования, которые нашли бы реальный отклик в общественном сознании и превратили бы массу в реальный источник социальной энергии.

Но каковы причины, по которым элита не смогла или не захотела выполнять свои функции? Чтобы разобраться в этом вопросе, на наш

взгляд, стоит вспомнить о так называемом «проектном» характере деятельности элиты. Об этом много пишет С.Э. Кургинян [3]. Этому посвящено нашумевшее анонимное издание «Проект Россия» [5]. Можно было бы вспомнить и других авторов, но в этом нет необходимости. Суть в том, что элита предлагает определенную, пусть в самых общих чертах, концепцию желаемого будущего в форме утопии или проекта и последовательно развивает ее, конкретизируя в интеллектуальном плане и реализуя на практике. Только наличие подобного проекта позволяет обществу двигаться вперед и совершенствоваться в соответствии с выбранными критериями.

Вспомним, что идеология, по К. Мангейму, — искаженное отражение социальной действительности, выражающее интересы определенных групп или классов, стремящихся сохранить существующий порядок вещей. Она, как правило, противопоставляется утопии, призванной изменить его. Понятие «исторический проект» во многом тождественно традиционному использованию понятия «утопия», но снимает оттенок неосуществимости выбранного идеала.

Нельзя не согласиться с теми авторами, которые акцентируют внимание на сознательном отказе постсоветской российской элиты искать какие-либо альтернативные современному Западу проекты для развития страны. Советскую систему не просто сносили под лозунгами «возвращения на путь нормального развития, в лоно мировой цивилизации», а искренне верили в неизбежность, закономерность и оправданность реализации этой цели. Значительная часть постсоветской элиты была убеждена, что ее примут как составную часть в элиту мировую. Она наивно надеялась даже на благодарность за устранение альтернативного варианта общественного развития. И наконец, питались иллюзии, что последующая конкурентная борьба будет осуществляться на равноправной основе и по относительно «честным правилам».

Только сейчас и особенно на фоне событий вокруг Крыма и Украины происходит некое «отрезвление». Осознание того, что места под солнцем давно поделены и мест этих в условиях кризиса становится все меньше, а значит, и борьба за них ведется без всяких правил и даже без соблюдения тех внешних приличий, которые еще недавно казались незыблемыми.

У России появился реальный шанс на национализацию элиты. Однако какой смысл стоит вкладывать в понятие «национализация элиты», стоит уточнить именно в связи с пониманием политики как целеполагания.

Значительная часть политической элиты современной России остается в плену понятий и правил, сформированных Вестфальской системой. Напомним, что этой системе присуща идея баланса сил. Она основана на признании в качестве одного из ключевых «принци-

па национально-государственного суверенитета», когда каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории и правом требовать невмешательства в свои дела. Все государства обладают равными правами, обязаны выполнять принятые на себя обязательства и т. д. Именно эту часть элиты журналисты и публицисты именуют «силовиками», хотя в нее входят представители самых разных элитарных групп, а не только выходцы из силовых структур.

Другая часть исходит из того, что мир давно стал другим. Во-первых, он стал глобальным в смысле господства одного социально-экономического уклада и вытекающего из него распределения власти и влияния по схеме «центр — периферия». Во-вторых, появились новые центры силы в лице транснациональных корпораций, которые стремятся либо подчинить себе национальные государства, либо обойти их претензии на право защиты своих интересов. В-третьих, Запад видит себя победителем в холодной войне и считает для себя естественным требовать от России безоговорочного подчинения требованиям победителей. И поскольку реальность такова, какова она есть, необходимо ее принять и приспособиться к ней. Для этой части нашей элиты вполне логично и безопасно взять на себя роль младшего партнера более мощных игроков, не пытаться отстаивать национальные интересы, если на это нет санкции со стороны тех сил, которые определяют вектор движения современного мира в целях сохранения своего положения на Родине и своей ниши в мире. Именно эту фракцию отечественной элиты обычно именуют «системными либералами», хотя многие из представителей этой когорты весьма далеки от последовательного отстаивания либеральных ценностей. Скорее, эти люди настолько углубились в изучение чужого опыта и так глубоко усвоили картину мира, сформированную общественными науками Запада, что начисто утратили не только способность к социальному творчеству, но и необходимые для него амбиции. Копирование европейского образца стало единственной целью, мерилom продвижения вперед и одновременно недостижимым эталоном (поскольку образец не стоит на месте) для этих людей.

В основе современного западного общества лежит либеральная утопия, которая достаточно полно реализована и потому исчерпала себя в качестве идеала. Эта модель проявила и сделала наглядными не только свои достоинства, но и обнажила пороки, которые невозможно преодолеть в рамках предложенной ею системы ценностей. Индивидуализм и жажда личной свободы, повенчанные с гедонизмом и рационализмом, неизбежно приводят в тупик «общество массового потребления», в котором едва ли не главной экономической проблемой становится «кастомизация» серийно выпущенной продукции. Неразрешимое противоречие состоит в том, что, втянув весь мир в воронку потребительства, глобальная экономика сталкивается

с ресурсными ограничениями, которые требуют отказать большинству стран и народов в их праве стремиться к реализованным в сильнейших экономиках мира высоким стандартам жизненного уровня, комфорта и потребления. Но в этом случае сама либеральная идея равенства и свободы выбора утрачивает притягательность, ибо эти ценности доступны основной массе населения только в отдельных странах, но и там далеко не для каждого члена общества.

Изучение и критическое осмысление чужого опыта исторического развития совершенно необходимы для выработки собственной национальной стратегии. Но, к сожалению, российская элита в своей значительной части со времен Петра Великого и до наших дней воспроизводит во многом губительный стереотип попыток механического переноса на российскую почву ценностей, стандартов, процедур и даже моды, сформировавшихся на совершенно иной социальной почве. Глубокое и вдумчивое изучение чужой истории и культуры приводит к «очарованию» ею и утрате способности относиться к ней критически. Возникает великий соблазн скопировать, перенести, «сделать как во всем цивилизованном мире». С XIX века и до наших дней об этом написано огромное количество текстов, и, возможно, не стоило бы повторять эти мысли, если бы не один нюанс. Для российского общества абсолютно необходимо понять, в силу каких причин приобщение к европейской науке и образованию порождает слепое подражательство, а не творческое осмысление полученных знаний и изученного опыта. Исключением был только советский период нашей истории, когда идея социального творчества реально овладела элитой и была ретранслирована массе. Можно по-разному относиться к результатам этого «эксперимента», но невозможно не признавать сам факт попытки строительства альтернативы западной цивилизации.

Совершенно очевидно, что система образования в обществе создается не только, а в ряде случаев и не столько для ретрансляции знаний и навыков, но и для внедрения в общественное сознание ценностей и смыслов. И копирование опыта Запада в области образования, особенно элитарного, неизбежно будет приводить к формированию невольной «агентуры влияния». Еще в большей степени это будет касаться новых поколений элиты, получивших образование в западных университетах и невольно интегрированных в соответствующие неформальные связи и отношения со своими однокашниками. Никакая «национализация элиты» без учета этого невозможна. Немыслима она и без самостоятельной национальной политики в области образования как в смысле ценностных, культурных, так и даже языковых его ориентиров.

Для пояснения последнего заметим, что понять речь руководителей экономического блока правительства и большинства экспертов по экономике уже сейчас даже человеку с университетским образо-

ванием без англо-русского словаря просто невозможно. Проблема языка, на котором элита общается как с народом, так и внутри своего круга, уже давно приобрела политический характер. Мы мыслим на родном языке, смысл слов которого не только правильно понимаем, но и точно знаем, как правильно относиться к тому, о чем идет речь с эмоциональной и моральной точек зрения. Засоренность словаря современной элиты уголовно-лагерным жаргоном, иноязычными терминами и проявлениями элементарной неграмотности может быть легко объяснена. Процессы криминализации элиты в «лихие 90-е», заимствования западных политических институтов и экономических инструментов, кадрового обновления без соответствующей школы и отбора объясняют достигнутый результат, но не оправдывают его.

Экономическая, политическая и духовная элита общества всегда выступает образцом для подражания, она является той «референтной» в социологическом смысле группой, на которую равняется средний класс. Это касается языка, моделей поведения, стандартов потребления, образа жизни и т. д. Подражание осуществляется с поправкой на материальные возможности, но имеет место всегда. Образ Элочки-людоедки — самый яркий в нашей литературе пример сатирического описания этого социального механизма. Но сейчас речь не о смехотворности попыток подражания, а об ответственности элиты за образцы, которые она сознательно или неосознанно ретранслирует обществу. Национальная элита в условиях, когда необходима мобилизация общества на решение сложнейших социально-экономических проблем, преодоление отставания от наиболее мощных конкурентов во многих сферах жизни общества, просто не может позволять себе делать то, что делает современная российская элита.

«Деофшоризация», возврат капиталов, инвестиции в развитие отечественной экономики и еще многое другое, о чем говорит и что пытается реализовать политическое руководство страны, очень важны, но не являются сутью процесса национализации элиты.

Сутью этого процесса, если он будет реально осуществлен, могут стать два взаимосвязанных направления деятельности.

Первое из них — *определение общественного идеала и постановка в качестве цели всех усилий движения к нему.*

Второе — *раскрытие перед народом и миром великой тайны, которую отечественная элита хранит уже более 20 лет: за какие ценности, помимо власти и привилегий, она готова умирать, носительницей каких «надличностных» смыслов она является.*

Еще раз оговоримся, что вхождение в Европу и приобщение к европейским ценностям исчерпали себя в качестве целей. Для России там места нет, и подавляющему большинству нашего населения в «Гейропу» (как острят в Интернете) хочется в лучшем случае в качестве туристов. Есть ли у нашей элиты иной «проект» будущего?

В нашумевшем издании «Проект Россия» утверждается: «Итак, подведем очередной итог. Силой, задающей тон обществу, является элита, ориентиры которой лежат за границами видимого мира. Вера требует от них дел, сообразных вере» [5]. Поскольку издание это вышло по многим явным и косвенным признакам из кругов элиты, оттолкнемся в наших рассуждениях от этой формулировки.

Итак, нам предлагают религиозный или, на худой конец, метафизический характер целей и мотивов элиты в качестве их главной характеристики. Если принять эту идею как продуктивную, требуется уточнить ряд моментов. Религиозное или философски-идеалистическое учение, которым руководствуется элита, может выступать либо «тайным знанием», либо общей с массой верой. В последнем случае элиту отличают скорее глубина понимания вероучения и преданность ему, чем различие ценностных ориентаций с массой.

Возможно ли в современном мире хранить и уберечь от раскрытия «тайное знание»? В век информации и информационных технологий сохранять что-либо в тайне крайне трудно. Существует принципиальная возможность поместить скрываемое среди множества подобных объектов и постоянно приумножать их количество, множа тем самым охватывающие массы суеверия. Но и в этом случае враги или просто бескорыстные искатели истины раскроют тайну. А есть еще и фактор болтливости глупца, от которого не застрахована ни одна достаточно многочисленная группа. «Тогда лишь двое тайну соблюдают, когда один из них ее не знает», — писал Шекспир в «Ромео и Джульетте».

Следует помнить и об историческом опыте, который свидетельствует о том, что гораздо функциональнее и эффективнее скрепить единство элиты и массы общей религиозной системой и уже внутри нее выстраивать иерархию посвящения.

В качестве подобной религиозно обоснованной системы ценностей и жизненно важных смыслов современная отечественная элита вроде бы видит православие. Во-первых, православие — традиционная религия России, основа национального самосознания. Во-вторых, вокруг русского православия оформилась богатейшая русская культура, ставшая достоянием всех народов, населяющих нашу страну. В-третьих, Русская православная церковь является одним из важнейших институтов современного российского общества, пользующихся авторитетом и контролирующими немалые ресурсы. В-четвертых, православие во многом предопределило исторический путь страны и конфигурацию союзов, симпатий и конфликтов с «внешним» для государства миром. Список аргументов в пользу подобного выбора можно было бы продолжить.

Но подобный выбор порождает и трудноразрешимые проблемы. Главная из них — категорический отказ христианства строить цар-

ство Божие на земле. Общественный идеал не может противоречить духовным традициям. Его невозможно сформировать без учета особенностей православного миропонимания и мироощущения, но его невозможно и напрямую вывести из православной религии, ибо для нее любая социально-экономическая и политическая система приемлема при известных религиозно-нравственных ограничениях и неприемлема при их отсутствии.

Увод социальной энергии в сферу совершенствования внутреннего мира человека, в сферу духовного поиска в моноконфессиональном обществе может снижать остроту социальных противоречий. Но в реалиях современной России конкуренция религий и конфессий за паству, за распространение своего влияния в обществе только усугубляет имеющиеся в обществе противоречия, придавая им религиозную окраску.

Утопия или проект, предлагаемый обществу элитой в XXI веке, должен быть рациональной конструкцией, а не религиозно-мистическим учением. Во-первых, потому что ему необходимо конкурировать с рационально выстроенным либеральным проектом. Во-вторых, задачей подобного проекта является преодоление уже имеющихся в обществе религиозных разногласий, а не приумножение их. (Вспомним, как данную проблему решали в рамках либеральной утопии, провозгласив свободу совести и превратив религиозные убеждения или их отсутствие в личное дело каждого.) В-третьих, любые попытки не опереться на религиозно-духовную традицию, а реанимировать ее во всей полноте и чистоте невозможно реализовать в силу исторического пути, пройденного страной в сфере образования и секуляризации общественной жизни.

Либеральный проект декларировал главными ценностями свободу индивида в атомизированном обществе и равенство возможностей для подобных индивидов бороться друг с другом за место под солнцем в условиях «честной конкуренции», т. е. ведущейся по правилам, известным всем и обязательным для каждого. На определенном этапе развития человеческого общества эти ценности породили гигантскую энергию развития общества. Но они же предопределили цели или индикаторы этого развития. В роли мерила прогресса выступили уровень потребления и комфорт, включающий личную безопасность. Соревноваться с «золотым миллиардом» на этом поприще бесперспективно, хотя бы в силу ограничений, налагаемых имеющимися природными ресурсами. Необходимо предложить альтернативу в целях, а следовательно, и индикаторах развития.

Логика, по которой необходимо «догнать и перегнать» Запад, оказывается ловушкой. В эту ловушку угодила еще советская элита, и в ней же продолжает пребывать постсоветская. «Мы стоим, по отношению к Европе, на исторической точке зрения, или, если угодно,

мы — публика, а там актеры, нам и принадлежит право судить пьесу», — писал Петр Чаадаев в письме А.И. Тургеневу еще в 1835 году. Возможность судить пьесу — это возможность извлекать уроки, корректировать свои действия и даже написать свой сюжет, отличный от наблюдаемого.

Вспомним несколько подзабытую категорию «образ жизни», которая потенциально могла бы помочь сформулировать отличия русского или российского образа жизни от, скажем, «американского» и «европейского». Отличный от других образ жизни требует и иных ориентиров в уровне потребления и его структуре. В советское время мы пытались решать подобную задачу. Почему бы не вспомнить этот опыт сейчас? Если пойти по этому пути, то возможно нейтрализовать и главный аргумент сторонников слепого подражания, который состоит в том, что сначала надо достичь европейских стандартов, а только тогда обрести право что-либо критиковать.

Национализация элиты требует признать за своей страной и ее народом право на историческое творчество, поиск нигде не применявшихся решений, риск, но помнить и об ответственности за него. Любой истинный творец просто обязан знать и понимать достижения других, но его отличает гордая вера в свои силы и возможность продолжать создавать новое.

Уроки, полученные в последние годы, заставили нашу политическую элиту вспомнить о том, что надо быть сильными, и особенно сильными в военном отношении, чтобы проводить независимую политику и отстаивать свои интересы в мире. Но главный урок, который дает современный мир, пока усвоен плохо. Этот урок состоит в том, что реальных результатов в развитии и борьбе за достойное место в мировом сообществе добиваются те страны и народы, элиты которых сохраняют верность национальному духовному наследию и творчески применяют его для решения задач сегодняшнего дня. У нас много говорят и пишут о китайском, японском, корейском опыте и не хотят увидеть самый главный урок этого опыта. Элита обязана понимать свой народ, очень его любить, верить в его будущее и уметь опираться на достоинства национального характера и нейтрализовать его недостатки.

В своей истории народы России, и особенно русский народ, не раз демонстрировали не сравнимую ни с чем в мире способность к мобилизации и сосредоточенную устремленность к общей цели. Цель эта должна быть объединяющей, нравственной, прекрасной, труднодостижимой и не копирующей чужой образец, т. е. творческой. Большевики смогли определить подобную цель и получили взрыв социальной энергии и поражавшие весь мир темпы роста. Как бы критики и «разоблачители» советского периода ни усердствовали,

они не могут отменить тот факт, что за 30 лет страна с очень «низкого старта» превратилась во вторую сверхдержаву мира.

Ставка на частную инициативу атомизированных индивидов как источник развития всего общества породила только чудовищное расслоение, взаимное недоверие и апатию большинства населения. Она провалилась, так как переносила европейский опыт на иную социальную и духовную почву. Импортированные семена либо не взошли, либо мутировали, породив «бандитский капитализм».

Национализация элиты включает процесс признания провала эксперимента, длящегося уже более 25 лет, сознательного отказа от его продолжения, размежевания с его идеологами и их теоретическим багажом. Это значит, что Россия опять стоит на перепутье дорог, или в точке бифуркации.

Присоединение Крыма может стать поворотным событием, тем самым первым шагом на пути возврата на собственную историческую дорогу по строительству русского мира. А может оказаться эпизодом борьбы элит за военно-морскую базу и курортные территории. Все будет зависеть от того, каковы будут следующие шаги, насколько политическая элита готова к обновлению и своих мировоззренческих установок, и экспертных авторитетов, и кадрового состава; обрела ли она готовность взять на себя роль субъекта исторического творчества, или ее претензии не простираются далее субъекта международных отношений.

Проект, который мог бы стать основой социального творчества, пока отсутствует. Есть разрозненные и часто кустарные попытки его разработки. Но главный вопрос, на который пока нет четкого ответа: а присутствует ли социальный заказ, политическая воля для его создания? Готова ли политическая элита сменить веру, чтобы обрести новые цели развития и новые критерии оценки своей деятельности? Выбор новой веры, обретение новых смыслов и ценностей — это гигантский риск, если это не присоединение к уже существующей, так сказать, апробированной и успешно развивающейся системе.

Единственной подстраховкой в этом смысле может служить опора на предшествующий исторический опыт и его осознанное использование.

Национальная элита — это элита, способная мыслить и действовать стратегически, самостоятельно, в интересах национального государства на основе единства с народом по поводу общего понимания фундаментальных ценностей и смыслов человеческого бытия.

К сожалению, при подобном понимании сути процесса национализации элиты он вряд ли будет быстрым, а займет какое-то ощути-

мое время. Однако очень важно помнить, что «самая длинная дорога начинается с первого шага». В этом и состоит важность постановки задачи национализации элиты.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Геллнер Э. *Нации и национализм*. Москва, 1991, с. 127, с. 23.
- [2] Кеймен Г. *Развитие веротерпимости*. URL: <http://www.istorya.ru/book/vekkonfl/05.php>
- [3] Кургинян С. *Суть времени*. Философское обоснование мессианских претензий России в XXI веке: в 4 т. Москва, МОФ ЭТЦ, 2012.
- [4] Перкинс Дж. *Исповедь экономического убийцы*. Москва, Претекст, 2012.
- [5] *Проект Россия*. Москва, 2005, с. 50.
- [6] Фурсов А.И. *Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. De futuro, или История будущего*. Москва, Политический класс; АИРО-XXI, 2008.

Легчилин Владимир Витальевич — канд. филос. наук, доцент кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: vv11754@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.05.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Легчилин Владимир Витальевич. Национализация элиты как общественная потребность. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 3.
URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/polit/182.html>

Nationalization of the elite as public demand

© V.V. Legchilin

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The purpose of the study is to identify real political science content of the concept "nationalization of the elite". This concept is rather widely used in political analytics, however, studies that reveal essential characteristics of the process of gaining national status by political elite are practically lacking. The author for the first time describes the correlation of goal-setting and nationalization of the elite and proves the necessity to reject borrowing targets and indicators of social development from Western culture. The author regards return to independent historical creative work based on national cultural tradition as the essence of nationalization of the elite.

Keywords: *political elite, values, goal-setting, nationalization of the political elite, objectives and indicators of social development*

REFERENCES

- [1] Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow, 1991, p. 127, p. 23.
- [2] Keimen G. *Razvitie veroterpimosti* [Development of tolerance]. Available at: <http://www.istorya.ru/book/vekkonfl/05.php>
- [3] Kurginyan S. *Sut' vremeni. Filosofskoe obosnovanie messianskikh pretenziy Rossii v XXI veke: v 4 tomakh* [The essence of time. Philosophical justification of messianic claims in Russia in XXI century]. Moscow, MOF ETTs Publ., 2012.
- [4] Perkins J. *Ispoved' ekonomicheskogo ubiytsy* [Confessions of an Economic Hit Man]. Moscow, Pretekst Publ., 2012.
- [5] *Proekt Rossiya* [Project Russia]. Moscow, 2005, p. 50.
- [6] Fursov A.I. *Mir, kotoryi my pokidaem, mir, v kotoryi my vstupaem, i mir mezhd u nimi. Defuturo, ili Istoriya budushchego* [The world that we leave, the world we enter, and peace between them. Defuturo, or History of the Future]. Moscow, Politicheskii klass [The Political Class], AIRO-XXI Publ., 2008.

Legchilin V.V., (b. 1954) Ph.D., Assoc. Professor of the Political Science Department at Bauman Moscow State Technical University. e-mail: vv11754@yandex.ru